

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

Паоло
БАЧИГАЛУПИ

Заводная и другие

Паоло Бачигалупи Заводная и другие (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8375054
Бачигалупи, Паоло Заводная и другие: [сборник; пер. с англ.]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084786-0

Аннотация

В сборник вошли роман «Заводная», удостоенный 7 премий – как американских, так и международных, а также рассказы, сюжетно примыкающие к роману.

Читайте постапокалиптический блокбастер одного из лучших фантастов нового поколения!

Содержание

Заводная	5
1	5
2	21
3	31
4	41
5	51
6	55
7	64
8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Паоло Бачигалупи

Заводная и другие (сборник)

Paolo Bacigalupi
THE WINDUP GIRL
YELLOW CARD MAN
THE CALORIE MAN

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Varot International, Inc. и Nova Littera SIA.

- © Paolo Bacigalupi, 2009
- © Перевод. В. Егоров, 2012
- © Школа перевода В. Баканова, 2012
- © Перевод. В. Гольдич, 2014
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Заводная

Посвящается Анджуле

1

– Нет, не надо мне мангостан. – Андерсон тянет руку и показывает пальцем. – Вот, вот это. *Ко полламаи ни кхап*. С красной шкуркой, с зелеными усиками.

Крестьянка улыбается, выставляя напоказ почерневшие от бетеля зубы, и тычет в сложенную рядом с ней горку фруктов:

– *Ан ни чай май кха?*

– Да, вот их. *Кхап*. – Андерсон кивает, вымучивая улыбку. – Как называются?

– Нго-о, – выговаривает она старательно, чтобы иностранец хорошо расслышал, и протягивает один на пробу.

– Не было таких раньше, – недоверчиво замечает Андерсон.

– *Кха*, – кивает крестьянка.

Он вертит диковину в руках, внимательно разглядывает со всех сторон. Больше похожа на цветастую актинию или на раздувшуюся рыбу-иглобрюха, чем на фрукт. Торчащие со всех сторон крупные зеленые усики щекочут ладонь. Шкурка отливает коричнево-рыжим – признак пузырчатой ржи. Андерсон принимает, но не чувствует ни малейшего запаха гнильцы. Похоже, плод совершенно здоров, хотя выглядит подозрительно.

– Нго, – повторяет крестьянка и, словно угадав мысли покупателя, добавляет: – Совсем новый. Пузырчатой ржи нет.

Андерсон рассеянно кивает. Бангкокский рыночный переулочек-сой бурлит от утреннего наплыва покупателей. В воздухе висит неприятный запах, источаемый горами дурианов. В бочках с водой плещутся змееголовы и красноперые рыбы-пла. Тенты, сотканые из полимеров пальмового масла, провисают под тяжелыми лучами раскаленного тропического солнца. На землю падают тени от нарисованных на них вручную парусников торговых компаний и лика досточтимой Дитя-королевы. Мимо протискивается человек – он держит над головой кур, которых несет на убой; птицы хлопают крыльями, трясут алыми гребешками и отчаянно квохчут. Женщины в ярких юбках-пасин, улыбаясь, торгуются с продавцами – сбивают цены на пиратскую модификацию риса компании «Ю-Текс» и томаты новой версии. Эти продукты Андерсона не интересуют.

– Нго, – снова говорит крестьянка, выводя покупателя из задумчивости.

Длинные зеленые усики щекочут ладонь, дразнят, требуют выяснить, откуда взялся этот фрукт, эта победа тайских генных хакеров – такая же, как томаты, баклажаны и перцы чили, которыми переполнены соседние прилавки. Все здесь так, будто сбылись пророчества грэммитской библии¹, будто святой Франциск восстал из могилы и приготовился ступить на землю, неся щедрые дары – утраченные человечеством калории.

«И приидет он при звуке труб, и станет всюду рай...»

Андерсон крутит в ладони странный плод: ни дурного запаха, какой бывает при цибиозе, ни парши от пузырчатой ржи, ни крохотных узоров, которые оставляют после себя долгоносики с измененными генами. У Андерсона Лэйка своя карта мира: вместо стран на ней цветы, овощи, деревья и фрукты, но нигде среди них нет ни единой подсказки.

---

¹ Сильвестр Грэм (1794–1851) – американский священник, который проповедовал вегетарианство и воздержание. Оказал влияние на развитие идей о полезном питании. Библия Грэма – авторский вымысел. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Нго. Тайна.

Он показывает крестьянке, что хотел бы попробовать фрукт. Та, проведя смуглым пальцем, легко счищает кожуру, обнажая бледную сердцевину – полупрозрачную, в прожилках, необычайно похожую на маринованные луковки, которые подают с мартини в Де-Мойне в клубах исследователей.

Андерсон берет плод и осторожно принюхивается. Пахнет цветочным сиропом. Нго. Невозможный фрукт. Еще вчера не существовал, еще вчера его было не найти ни на одном лотке во всем Бангкоке, а теперь – вот он, целые горы заняли все пространство вокруг этой чумазой женщины, которая сидит на корточках наполовину в тени тента. На шее торговки блестит позолотой и подмигивает Андерсону амулет: мученик Пхра Себ² – защита от мора, что напускают на растения компании-калорийщики.

Хорошо бы увидеть, как растет этот фрукт, думает Андерсон, на каком висит дереве, в листе какого кустарника прячется. Знать бы чуть больше, и можно предположить его род и семейство, сделать робкую попытку угадать, что за тайны генного прошлого жаждет разыскать тайское королевство. Но нигде ни малейшей зацепки, и остается лишь попробовать этот скользкий полупрозрачный шарик.

Взрыв насыщенного сладкого вкуса; липкий цветочный сироп мгновенно обволакивает язык. Андерсону кажется: он снова сынишка простого айовского фермера, стоит босиком посреди скошенного кукурузного поля компании «Хайгро», и агроном из «Мидвест компакт» только что угостил его крохотным, первым в жизни леденцом. Ошеломляющий, первый настоящий аромат после целой вечности безвкусной пищи.

На землю льется солнечный свет. Кругом толкотня, базарный шум, но Андерсон не замечает ничего. Закрыв глаза, он перекатывает во рту нго, смакует вкус прошлого, когда эти фрукты росли в изобилии, а цибискоз, японские долгоносики со взломанными генами, пузырчатая ржа и чесоточная плесень еще не опустошили сады и поля.

Солнце давит на плечи раскаленным грузом, мычат буйволы, где-то режут кур, а он блаженствует. Будь Андерсон грэммитом, рухнул бы прямо тут на колени, забился в экстазе и возблагодарил небо за то, что на землю сошел рай.

Он сплевывает на ладонь черную косточку и улыбается. В бесчисленных дневниках исследователей и ботаников минувших времен их авторы в поисках новых видов растений прорубались сквозь неизведанные джунгли, но ничто из найденного ими и близко не стоит с одним-единственным нго.

Тем ученым хотелось сделать открытие; ему посчастливилось стать свидетелем воскресения.

Крестьянка так и сияет, понимая, что фрукты купят.

– *Ао ги кило кха?* Сколько.

– А не заразные?

Она показывает разложенные прямо на мостовой сертификаты министерства природы, тычет пальцем в даты инспекций.

– Самая последняя версия. Высший класс.

Андерсон разглядывает блестящие печати и думает, что она подкупила белых кителей – вряд ли товар проходил полную проверку на устойчивость к пузырчатой рже восьмого поколения и к цибискозу-111 седьмой и восьмой мутаций. Цинизм подсказывает, что в бумажках нет никакого смысла. Сверкающие на солнце замысловатые печати – скорее талисманы, в этом опасном мире людям с ними спокойнее. Если же опять грянет эпидемия цибискоза, сер-

---

² Себ Накхасатхиен (1949–1990) – защитник природы. Стал известен после проекта по спасению животных из зоны строительства одной из дамб в Таиланде. В знак протеста покончил с жизнью. Позже последователи Накхасатхиена создали фонд его имени. Пхра (*тайск.*) – святой, священный.

тифидаты не помогут – старые тесты не определяют новую мутацию. Народ станет молиться амулетам Пхра Себа, образу Рамы XIII, делать подношения в храме Священного столпа и кашлять ошметками легких, сколько бы министерских штампов ни украшало продукты.

Он кладет косточку нго в карман.

– Беру кило. Нет. Два. *Сонг.*

Андерсон протягивает крестьянке сумку из конопляного полотна и даже не думает торговаться. Сколько ни попросит – продешевит. Такие чудеса стоят всех денег мира. Редкий ген, благодаря которому растение не поддается мору или лучше перерабатывает азот, заставит прибыли взлететь до небес. Доказательства всюду, куда ни глянь. Рыночный переулочок забит тайцами, покупают все подряд – от ю-тексовского риса со взломанным генетическим кодом до домашней птицы, у которой мясо красного цвета. Но все это – уже прошлые успехи генхакеров «Агрогена», «ПурКалории» и «Тотал нутриент холдингз», плоды старой науки, произведенные в недрах лабораторий «Мидвест компакт».

Нго – иной. Нго – не из «Мидвеста». Тайское королевство умеет схитрить там, где остальные спасовали бы. Пока Индия, Бирма, Вьетнам и прочие рушатся как фишки домино, голодают и вымалывают у монополистов-калорийщиков новые научные разработки, оно процветает.

Несколько прохожих останавливаются оценить покупку, и хотя Андерсон полагает, что заплатил немного, находят ее слишком дорогой и шагают дальше.

Крестьянка протягивает нго, и он от радости едва не заходится смехом. Ни одного из этих лохматых плодов не должно существовать в природе, с таким же успехом в сумке могли бы лежать живые трилобиты. Если его догадка о том, откуда взялись эти фрукты, верна, значит, произошло возрождение, а такое потрясает не меньше, чем встреча с тираннозавром посреди Тханон Сукхумвит³. Но в таком случае так же вернулись из небытия и томаты, картофель, перец, которыми завален рынок. На изобильных лотках стройными рядами лежат пасленовые со всхожими семенами – такого люди не видели уже несколько поколений. Будто нет ничего невозможного в этом тонушем городе: фрукты и овощи возвращаются с того света, давно вымершие цветы обрамляют проспекты, а за всем этим стоит министерство природы, которое творит чудеса с помощью генетического материала, добытого из безвозвратного прошлого.

С сумкой в руках Андерсон протискивается через рыночный переулочок на соседний проспект. Движение бурлит – тханон Рамы IX больше похожа на Меконг во время наводнения: толкуются утренние пешеходы, снуют велосипеды и рикши, вышагивают иссиня-черные буйволы, плетутся огромные мегадонты.

Из тени ветхого офисного небоскреба возникает Лао Гу, который на ходу сбивает тлеющий кончик сигареты. Опять пасленовые. Они повсюду. Нигде в мире их не найти, а тут – куда ни посмотри. Лао Гу прячет остатки табака в карман рваной рубахи и бежит вперед к рикше Андерсона.

Старый китаец – настоящее чучело в лохмотьях, но при этом везунчик. Почти весь его народ погиб, а он жив; собратья – беженцы-малайцы – теснятся в душных башнях времен Экспансии, как куры на птицефабрике перед убоем, а у него есть работа. У жилистого Лао Гу достаточно денег, чтобы баловать себя сигаретами марки «Сингха». По сравнению с другими владельцами желтых билетов беженцев он настоящий король.

Лао Гу, усевшись в седло, терпеливо ждет. Андерсон устраивается позади на пассажирском месте и приказывает:

– В офис. *Бай кхан.* – Потом переходит на китайский: – *Зу ба.*

---

³ Одна из центральных трасс Таиланда, проходящая по побережью и нескольким городам, в том числе по Бангкоку.

Старик давит на педали всем весом, и экипаж с трудом влезает в общий поток. Вокруг тут же начинают возмущенно трезвонить другие велосипедисты – так, словно началась эпидемия цибискоза. Лао Гу не обращает на них внимания и въезжает в самую гущу.

Андерсон тянет руку еще за одним нго, но тут же себя осаживает – следует приберечь. Слишком уж эти фрукты ценны, не стоит набрасываться на них как жадный ребенок. Тайцы извлекли прошлое из могилы, и, получив тому доказательство, надо получить от него настоящее неспешное удовольствие.

Он нетерпеливо постукивает пальцами по сумке и, желая отвлечься от фруктов, закуривает. Наслаждаясь каждой затяжкой, Андерсон вспоминает тот день, когда с изумлением обнаружил, что Тайское королевство процветает, а пасленовые растут здесь повсюду. Еще на память приходит Йейтс: расстроенный, тот сидит напротив, в воздухе между ними клубится дым – знак воскресшего прошлого.

– Пасленовые.

В сумеречном офисе «Спринглайфа» пламя спички выхватило багровое лицо Йейтса. Он прикурил, глубоко затянулся – кончик сигареты вспыхнул, затрещала рисовая бумага – и выпустил струю дыма в потолок, где вентиляторы с механическим приводом гоняли душный, как в сауне, воздух.

– Баклажаны, томаты, перцы чили, картофель, жасмин, *nicotiana*, – Йейтс слегка взмахнул сигаретой, поднял бровь, – она же табак, – и снова сделал затяжку, скосив глаза на огонек.

Из полумрака выступали рабочие столы и выключенные компьютеры с ножными динамо. По вечерам, после закрытия завода, могло показаться, что пустые столешницы – вовсе не свидетельство полного упадка; что сидевшие за ними люди разошлись по домам отдохнуть перед новым тяжелым днем. Если бы не слой пыли на стульях и компьютерах, то в сумерках среди падавших на мебель полосок лунного света, который пробивался сквозь деревянные ставни, вполне можно было бы представить, что предприятие благоденствует.

Медленно вращались лопасти механических вентиляторов. Ритмично поскрипывали протянутые под потолком ремни из лаосской резины – твердый ручеек кинетической энергии, текущий от центральных пружин завода.

– Сначала у тайцев в лабораториях удача за удачей, – сказал Йейтс, – а тут еще ты появляешься. Я не суеверен, а то решил бы, что они и тебя наколдовали из воздуха, как те помидоры. Хотя понимаю: всякому организму – свой хищник.

– Ты должен был сообщать об их достижениях. У тебя есть обязанности помимо фабрики.

Йейтс поморщился. По его лицу – настоящему справочнику о вреде тропического климата, – как реки по земле, бежали лопнувшие сосудики; они покрывали щеки и расчерчивали пунктиром мясистый нос. Йейтс моргнул и уставил на Андерсона взгляд своих почти бесцветных глаз – мутный, словно пропитанный навозным смрадом городской воздух.

– Стоило догадаться, что ты закроешь мою нишу.

– Ничего личного.

– Да, ерунда – дело всей жизни. – Такой же трескучий смех бывал у больных на ранней стадии цибискоза. Не знай Андерсон, что все сотрудники «Агрогена» привиты от новых штаммов, немедленно убежал бы.

– Я возводил все это годами, – Йейтс махнул рукой в сторону смотровых окон, выходящих в цех, – а ты говоришь «ничего личного». У меня тут спиральные пружины размером с кулак, и в каждой – миллиарды джоулей. Соотношение вес – емкость – в четыре раза выше, чем у любых других на рынке. Это без пяти минут революция, а ты хочешь взять все и выбросить. – Он наклонился к Андерсону. – Люди не знали настолько компактных источников энергии со времен бензина.

– И не узнают, пока не начнешь их выпускать.

– Я уже близко. Надо только разобраться с водорослевыми ваннами, в них вся загвоздка.

Андерсон промолчал. Йейтс решил продолжать.

– Здесь основной принцип – звук. Когда ванны станут давать достаточный объем...

– Ты должен был сразу поставить нас в известность, как только увидел, что здесь начали продавать пасленовые. Тайцы уже пятый сезон преспокойно выращивают картофель, у них явно появился свой банк семян, а от тебя – ни слова.

– Это не по моей части. Мое дело – накопители энергии, а не сельское хозяйство.

Андерсон фыркнул в ответ.

– И где ты возьмешь калории, чтобы заводить свои чудо-пружины, если случится неурожай? Пузырчатая ржа теперь мутирует каждые три сезона. Генхакеры-восстановители вскрывают нашу сою-про и пшеницу «Тотал Нутриента». Сопrotивляемость долгоносикам у последней версии кукурузы «Хайгро» шестьдесят процентов, и вдруг мы узнаем, что у тебя тут вокруг, оказывается, генетический рай. Люди голодают...

– Вот только не надо о спасении жизней, – хохотнул Йейтс. – Я видел, что случилось с банком семян в Финляндии.

– Не мы взорвали их запасники. Кто же знал, что финны – такие фанатики.

– Да любой идиот догадался бы, что так и произойдет – компании-калорийщики репутацию себе заработали что надо.

– Это была не моя операция.

– Наша любимая отговорка, – снова засмеялся Йейтс. – Компания что-нибудь натворит, а мы все разводим руками и делаем вид, будто ни за что не отвечаем. Оставили Бирму без сои-про – мы отошли в сторонку и сказали, что споры об интеллектуальной собственности – не по нашей части. А люди голодают точно так же. – Он затыкнулся, выпустил клуб дыма. – Сказать по правде, не понимаю, как такие, как ты, могут спокойно спать.

– Просто. Молюсь Ною, святому Франциску и благодарю Бога за то, что мы пока на шаг впереди пузырчатой ржи.

– Ну так что теперь – закроешь завод?

– Нет, разумеется. Производство пружин пусть себе идет.

– Вот как? – оживился Йейтс.

Андерсон только пожал плечами:

– Хорошее прикрытие.

Тлеющий кончик сигареты обжигает руку, Андерсон выбрасывает окурок на дорогу, потирает большой и указательный пальцы. Лао Гу крутит педали, прокладывая путь сквозь плотное движение. Мимо плывет Бангкок, город Божественных воплощений.

Монахи в одеждах шафранового цвета бредут по тротуарам, прикрываясь черными зонтами. В монастырскую школу стайками бегут дети – толкаются, теснятся, хохочут, что-то кричат друг дружке. Уличные торговцы широко раскидывают руки, увешанные гирляндами из бархатцев – подношениями храму, – и поднимают повыше над головами блестящие на солнце амулеты преподобных монахов, которые защищают от всего подряд – от бесплодия до чесоточной плесени. На передвижных лотках с едой шипит и дымится горячее масло, пахнет ферментированной рыбой; под ногами покупателей мерцают силуэты чеширов, которые громко мяукают в ожидании объедков.

Высоко над улицей смутно маячат старые башни времен Экспансии, одетые в лианы и плесень; окна давно выбиты, каменные кости дочиста обглоданы, обшивка вспучивается на солнце. Жить в них невозможно – ни лифтов, ни кондиционеров. Сквозь поры в стенах местами валит черный дым от костров на сухом навозе – беженцы из Малайи пекут лепешки-

чапати и наспех заваривают кофе, пока не налетели белые кители, не взяли штурмом душный небоскреб и не избили самовольных захватчиков.

Посреди дороги сидят согнувшиеся в глубоком поклоне беженцы с севера, с угольной войны и протягивают кверху руки – отточенный жест, просьба о помощи. Поток велосипедов, рикш и запряженных в повозки мегадонтов обтекает их, как речная вода – валуны на стремнине. Губы и носы нищих будто головками цветной капусты покрыты густой бахромой шрамов фагана, зубы черны от бетеля. Андерсон бросает к их ногам деньги и, проезжая мимо, чуть кивает в ответ на благодарные вай⁴.

Вскоре впереди возникают беленные стены и узкие проезды промышленного района фарангов. Склады и фабрики стоят тесно, в воздухе пахнет солью и гниющей рыбой. Длинные улицы будто сплошь обросли коростой – везде сидят торговцы, прикрываясь от страшного солнечного пекла кусками брезента и одеял. Чуть дальше видны шлюзы и укрепления дамбы короля Рамы XII, которая сдерживает мощь голубого океана.

Трудно постоянно не вспоминать об этих высоких стенах и о том, с какой силой давит на них вода; трудно представлять себе город Божественных воплощений и не думать о катастрофе, только и ждущей своего часа. Но тайцы упорны, они затратили массу усилий на то, чтобы спасти священный город Крунг Тхеп⁵ от потопа. Работающие на угле насосы, постоянное укрепление дамбы и искренняя вера в мудрость правящей династии Чакри помогают им пока держать в узде ту мощь, что поглотила Нью-Йорк, Рангун, Мумбаи и Новый Орлеан.

Лао Гу едет медленно, раздраженно трезвонит заполонившим проезд чернорабочим-кули. На их смуглых спинах покачиваются ящики из древесины марки «всепогодная», гипнотически ходят из стороны в сторону логотипы китайских спиральных пружин «Чаочжоу», антибактериальных рукояток «Мацусита» и керамических водяных фильтров «Бо Лок». Заводские стены сплошь расписаны иллюстрациями к учению Будды, ликами досточтимой Дитя-королевы, а между ними втиснуты нарисованные от руки картинки прошедших боев по муай-тай, тайскому боксу.

Огромной крепостью над толпой возвышается фабрика «Спринглайф», вдоль верхнего этажа пунктиром идут вентиляционные отверстия, в них медленно вращают лопастями огромные вентиляторы. На другой стороне проулка стоит здание-близнец – Чаочжоуская фабрика велосипедов. Между двумя строениями – обычный затор из торговых тележек с едой, здесь рабочие покупают закуски и обеды.

Лао Гу с трудом пробивается на фабричный двор и высаживает Андерсона у центрального входа. Тот берет сумку с нго и ненадолго замирает, глядя на широкие, под мегадонтов, восьмиметровые ворота. Следовало бы назвать предприятие по-другому: «Йейтсов каприз». Этот Йейтс был страшный оптимист. Андерсон в красках вспоминает, как тот горячно убеждал его в поразительных свойствах водорослей со взломанными генами, рылся в столе, искал нужные схемы и неразборчиво написанные заметки, не переставая возмущаться:

– Нельзя заранее ставить крест на моей работе из-за одного только провала того проекта, «Океанских даров». Если водоросли отверждать правильно, их способность поглощать вращательный момент вырастет экспоненциально. Не важно, какой у них калорийный потенциал, – думай о промышленном применении. С моей помощью весь рынок хранения энергии будет твой, дай только время. Или хотя бы испытай прототип пружины, прежде чем примешь решение.

---

⁴ Универсальный тайский жест (поклон при сложенных на уровне груди ладонях), который может означать благодарность, приветствие и т. д. Глубина поклона зависит от статуса того, кому предназначен вай. Когда приветствуют равных, пальцы касаются носа. Для людей выше статусом (учителей, родителей) необходимо тронуть пальцами переносицу на уровне бровей. Самый глубокий поклон, при котором пальцев касаются лбом, – только для высших особ – королей, духовных лидеров и т. д.

⁵ Крунг Тхеп – название Бангкока, которое используют сами жители Таиланда.

Андерсон входит внутрь. Фабричный грохот прогоняет воспоминание о последнем, отчаянном вопле Йейтса в защиту своей идеи.

Мегадонты с ревом тянут рычаги воротов, медленно вышагивая вокруг центральных валов – огромные головы опущены, хоботы волочатся по полу, ритмично лязгает упряжь. Эти существа, полученные генным взломом, – живое сердце главного движущего механизма, который передает энергию конвейерам, вентиляторам и всем машинам фабрики. Рядом в красно-золотых одеждах идут надсмотрщики – члены профсоюза, покрикивают на зверей и время от времени подстегают их, заставляют гигантских, выведенных из слонов животных трудиться усерднее.

В дальнем конце завода поточная линия выплевывает только что скрученные спиральные пружины; те отправляются на технический контроль, а оттуда в отдел упаковки, где их раскладывают по местам и оставляют до никому не известного дня и часа. Когда в цех входит Андерсон, рабочие бросают дела и вдоль всего конвейера бежит волна вай – друг за другом тайцы подносят сложенные ладони ко лбу.

Улыбаясь, подбегает Баньят, начальник отдела контроля, и тоже делает вай.

Андерсон отвечает тем же, но более небрежно.

– Что с качеством?

Баньят снова улыбается:

– *Ди кхан*. Хорошо. Уже лучше. Идемте, я покажу. – Он машет рукой, и дежурный бригадир по имени Нам ударяет в колокол, приказывая остановить конвейер. – Тут кое-что интересное. Вы будете довольны.

Андерсон отвечает сдержанной улыбкой – вряд ли тот вообще может его чем-либо порадовать, – потом достает из сумки нго и протягивает Баньяту.

– Есть успехи? В самом деле?

Баньят, почти не замечая фрукт, счищает шкурку и кладет полупрозрачную сердцевину в рот. На лице – ни следа удивления, никакой необычной реакции. Проглатывает чертов нго не задумываясь – и все. Андерсон морщится. Фаранги узнают новости последними – так всегда говорит Хок Сен, когда на него накатывает паранойя и он думает, будто Андерсон хочет его уволить. Наверняка Хок Сен тоже знает об этом фрукте или, если спросить, сделает вид, что знает.

Баньят кидает косточку в кормушку мегадонтов и ведет Андерсона вдоль конвейера.

– Мы починили вырубной пресс.

Нам снова звонит в колокол, рабочие отходят от своих мест. По третьему сигналу погонщики-махуты ударяют мегадонтов бамбуковыми прутами, животные устало замирают. Конвейер замедляет ход. На дальнем конце фабрики скрипят и пощелкивают барабаны с промышленными пружинами – маховики нагоняют в них энергию, тот живительный сок, который запустит механизмы, едва Андерсон закончит проверку.

Баньят ведет Андерсона мимо поточной линии, мимо кланяющихся рабочих, одетых в бело-зеленые цвета своей гильдии, и отодвигает занавеску, сделанную из полимеров пальмового масла, – за ней открывается зал очистки. Здесь со сказочной расточительностью распыляют промышленное открытие Йейтса: результатом его случайного генетического изобретения покрывают спиральные пружины. Женщины и дети, заметив Андерсона, снимают маски с тройным фильтром и приветствуют своего кормильца почтительным вай. По бледным от порошка лицам бегут дорожки пота, темная кожа видна только рядом с фильтрами вокруг носа и рта.

Андерсон с Баньятом проходят помещение насквозь и ныряют в зной разрезочного цеха. От нагревающих ламп исходит жар, в воздухе стоит резкий запах резервуаров, где выращивают водоросли со взломанными генами. Под потолком ярусами висят сушильные сетки, размазанная по ним масса из водорослей сочится водой, усыхает и чернеет, посте-

пенно превращаясь в густую пасту. На взмокших от пота рабочих почти нет одежды – только шорты, майки и защитные каски. Ни сильная вытяжка, ни бешеное вращение лопастей вентиляторов не спасают – здесь как в печи. По шее Андерсона бежит пот, рубашка мгновенно намокает.

– Вот тут. – Баньят показывает на разобранный режущий механизм, который лежит у конвейера, и добавляет негромко: – Ржавчина.

Андерсон присаживается, рассматривает поближе.

– Я думал, мы проверяли на ржавчину.

– Это все соленая вода, – говорит Баньят, нервно улыбаясь. – Океан близко.

Андерсон с недовольным видом поднимает взгляд на сетки, с которых капает.

– Никакого прока ни от резервуаров, ни от этих решеток. Какой дурак решил использовать избыток жара для просушки водорослей? Энергоэффективность, чтоб ее...

Теперь Баньят улыбается растерянно.

– Так вы заменили резец?

– Теперь надежность – двадцать пять процентов.

– Вот как? Настолько лучше? – Андерсон небрежно кивает и делает знак ответственному за инструмент. Тот через весь зал кричит Наму. Снова звенит колокол, в нагревающие лампы и горячие прессы подаются электричество. Андерсона резко обдаёт жаром, и он шаркает в сторону. Каждое включение этих приборов встает в пятнадцать тысяч батов налогов – столько «Спринглайф» послушно отстегивает в угольный бюджет королевства. Йейтс, конечно, ловко втиснул фабрику в госраспределение угля, но неперенные взятки все же заоблачно велики.

Центральный маховик набирает обороты, механизмы под полом оживают, по зданию проходит дрожь, половицы начинают вибрировать. Словно адреналин по венам, по приводам пробегает кинетическая энергия – взрывное предчувствие силы, которая вот-вот запустит производственную линию. Возмущенно трубит и умолкает под ударом хлыста мегадонт. Стон маховиков превращается в вой и внезапно стихает – поток джоулей входит в движущую систему.

Главный по линии снова звонит в колокол. Рабочие подходят к режущим механизмам и выравнивают резцы: изготовление небольших двухгигаджоульных спиральных пружин требует особой тщательности. Чуть дальше идет скручивание – гидравлические стойки с шипением поднимают вверх вырубные прессы с только что отремонтированными прецизионными резцами.

– Сюда, пожалуйста, кун. – Баньят указывает Андерсону на зарешеченную кабину.

Колокол Нама звонит в последний раз. Приводы скрипят, приходят в движение. Андерсона на мгновение охватывает трепет. Рабочие приседают за защитными экранами. Из направляющих выползает проволока и тянется по горячим валикам. На металл ржавого цвета распыляют мерзко пахнущий реагент, а тот образует глянцевую пленку, к которой вскоре ровным слоем прилипнет Йейтсов порошок из водорослей.

С грохотом падает пресс. Андерсон представляет силу удара, и у него сводит зубы. Обрубленная проволока звонко щелкает, уходит за штору в зал очистки и через полминуты появляется вновь – уже бледно-серая, в пыльном налете порошка из водорослей. Горячие ролики передают ее дальше, в агонию последних мук формовки: металл станут скручивать туже и туже, истязая молекулярную структуру, затягивая в спираль. Нарастает оглушительный скрежет. На стягиваемую проволоку льется дождь из смазки и оставшейся от водорослей жидкости, брызги летят на рабочих и оборудование, затем сжатую пружину стряхивают с линии – теперь ее установят в корпус и отправят в отдел контроля качества.

Вспыхивает желтая лампочка – можно выходить. Рабочие выбегают из кабин и переустанавливают пресс, из недр цеха закалки с шипением выползает новая струйка ржавого на

вид металла. Дребезжат на холостом ходу валики. Прикрытые форсунки готовятся выдать следующую порцию смазки – прочищаются, выплевывая в воздух мельчайшие капельки влаги. Рабочие заканчивают установку прессов и ныряют в укрытия. Если произойдет сбой, пружинная проволока станет неуправляемым лезвием, которое со страшной силой хлестнет через весь цех. Андерсон как-то видел обычный исход промышленной аварии: вскрытые, будто мягкие манго, головы, срезанные части тел и поллаковские брызги крови.

С грохотом падает пресс и отрубает заготовку пружины – очередную из сорока за час; теперь ее шансы оказаться на складе брака в министерстве природы всего лишь семьдесят пять процентов. Миллионы уходят на производство мусора, и еще миллионы на его уничтожение – неутомимая палка о двух концах. Йейтс то ли случайно, то ли со зла где-то напортачил, и больше года ушло на то, чтобы полностью разобраться в проблеме – исследовать водорослевые ванны, где вызревает материал для революционной оболочки пружин, заново создать кукурузную смолу, которой заливают места стыковки пружины и механизма, сменить процедуру работы отдела контроля качества и понять, как почти круглогодично сто-процентная влажность влияет на производство, придуманное для более сухого климата.

Откинув штору, из зала очистки в облаке бледной пыли входит рабочий: на темном лице струйки пота, комочки грязи и капли спрея пальмового масла. Сквозь проем на секунду мелькают его коллеги – тени в снежной круговерти светлого порошка, в который утрамбовывают пружинную проволоку, чтобы ту не застопорило от мощного сжатия. Пот рабочих, калории, плата за уголь – все ради одного: создать Андерсону правдоподобное прикрытие, пока он разгадывает тайну пасленовых и нго.

Любой разумный бизнесмен давно прикрыл бы фабрику – даже Андерсон, хотя и он понимает кое-что в производстве спиральных пружин нового поколения. Однако ни у его рабочих, ни у профсоюзов, ни у белых кителей и внимательных наблюдателей, которых в королевстве немало, – ни у кого не должно возникнуть сомнений в том, что он настоящий увлеченный предприниматель, а для этого фабрика должна работать, причем на полную мощность.

Андерсон жмет Баньяту руку и хвалит за хорошую работу.

В самом деле, досадно: завод мог бы преуспеть. Дух захватывает от того, как работают пружины Йейтса. Он сумасшедший, но не идиот. Андерсон сам наблюдал, как крохотный корпус со спиралью, пощелкивая, час за часом отдавал джоули энергии, в то время как одни пружины весом в два раза больше не вырабатывали и четверти такой мощи, а металл других, не выдержав страшного давления, терял молекулярную структуру и сливался в сплошную массу. Время от времени Андерсон чувствовал, что вот-вот поддастся вдохновению Йейтса.

Он делает глубокий вдох, ныряет в зал очистки, выходит из него с другой стороны в клубах дыма и водорослевого порошка, потом снова вдыхает – в воздухе пахнет растертым по полу навозом – и шагает по лестнице в контору. Позади снова слышен рев – судя по всему, кому-то из мегадонтов больно. Андерсон замечает одного из погонщиков-махутов – вал номер четыре, еще одна проблема в длинном списке неприятностей «Спринглайфа», – и открывает дверь.

В офисе мало что изменилось с тех пор, как он впервые сюда пришел. Все тот же сумрак, все та же гулкая пустота и выключенные компьютеры с ножными динамо. Лезвия солнечных лучей, проходя сквозь красно-коричневые деревянные ставни, прорезают дымку воскурений в честь тех богов, что не спасли в Малайе китайский клан Хок Сена. Внутри не продохнуть от аромата сандаловых палочек, в углу безостановочно текут вверх шелковистые нити дыма – поднимаются над алтарем, где у мисок с ю-тексовским рисом и облепленными мухами манго сидят улыбочивые золотые статуэтки.

Хок Сен уже за компьютером – жилистой ногой раскачивает педаль привода, ток от которого питает микропроцессоры и двенадцатисантиметровый дисплей. В сером отсвете

экрана Андерсон успеваает заметить быстрый взгляд – всякий раз, когда открывается дверь, старик вздрагивает в страхе, что его пришли убивать. Этот испуг – будто галлюцинация, такая же, как исчезновение чеширов: только что ты его видел, а через секунду уже не знаешь, был ли кот на самом деле. Но Андерсон достаточно хорошо знает беженцев-желтобилетников и может распознать подавленный ужас. Он прикрывает дверь, заводской шум стихает, Хок Сен успокаивается.

Андерсон кашляет и отгоняет от лица дым.

– Я же просил тебя не жечь эту дрянь.

Старик пожимает плечами, не переставая крутить динамо и стучать по клавишам.

– Открыть окна? – Его голос шуршит, словно бамбук по песку.

– Господи, нет, конечно. – Андерсон, щурясь, глядит на пекло за ставнями. – Просто жги их дома, а тут они мне не нужны.

– Хорошо.

– Я не шучу.

Хок Сен на секунду отрывает взгляд от монитора – по выражению скуластого лица и запавших глаз видно, что у старика отлегло от души, – и снова принимается стучать по клавишам своими паучьими пальцами.

– Это на удачу, – бормочет он и продолжает с сиплым негромким смешком: – Даже заморским дьяволам нужно везение. Учитывая все проблемы фабрики, вы, возможно, оценили бы помощь Будая⁶.

– Дыми не здесь. – Андерсон кидает на стол сумку с сегодняшней находкой, растягивается в кресле и вытирает лоб. – Жги их дома.

Старик едва заметно кивает в ответ. Под потолком медленно вращаются ряды механических вентиляторов, бамбуковые лопасти лениво гоняют горячий воздух. Хок Сен и Андерсон совершенно одни среди вереницы пустых столов и выключенных компьютеров. По грандиозному замыслу Йейтса, тут должен был работать целый штат продавцов, логистов, кадровиков и секретарей.

Андерсон перебирает нго и показывает один Хок Сену.

– Видал такие?

Тот мельком смотрит на фрукт с зелеными усиками, говорит:

– Тайцы называют их «нго», – и продолжает просматривать таблицы, в которых никогда не появится новых данных, и подсчитывать убытки, которые никогда не попадут в отчеты.

– Как их называют тайцы, я знаю. – Андерсон подходит, кладет нго рядом с компьютером. Хок Сен вздрагивает и глядит на плод с испугом, как на скорпиона. – Фермеры на рынке мне сказали. В Малайе такие были?

– Я... – Старик прикусывает язык. Видно, как он старается взять себя в руки, подчинить воле стремительный калейдоскоп эмоций. – Я...

Страх то накатывает, то отпускает. Едва ли один из ста малайских китайцев спасся во время Казуса. Ему, как ни посмотри, очень повезло, и все же Андерсон жалеет старика: один простой вопрос, вид какого-то фрукта – и тот готов бежать без оглядки.

Хок Сен хрипло дышит и смотрит на нго не моргая.

– В Малайе не было. Такое только тайцы могут, – наконец произносит он и тут же возвращается к работе: глаза – в монитор, воспоминания – под замок.

Андерсон ждет еще какой-то реакции, но старик упорно глядит на экран. Тайна нго не прояснилась.

Он шагает обратно к своему столу разобрать почту. На углу лежит подготовленное Хок Сенем срочное: квитанции, налоговые документы. Андерсон с головой уходит в бумаги:

---

⁶ Будай, или смеющийся Будда, – символ изобилия.

подписывает чеки профсоюзу погонщиков мегадонтов, ставит печати на бланках утилизации и попутно теревит на груди рубашку – влажный воздух с каждой минутой все жарче.

Через некоторое время Хок Сен произносит:

– Вас спрашивал Баньят.

Андерсон рассеянно кивает.

– На вырубном прессе обнаружили ржавчину. Заменяли – надежность выросла на пять процентов.

– Значит, теперь двадцать пять?

Андерсон пожимает плечами, перелистывает бумаги, заверяет печатью расчет угольного налога в министерство природы, говорит:

– Так он мне сказал, – и кладет документ обратно в конверт.

– Все равно убыточно. Ваши пружины на полезное дело не раскручиваются – держат свои джоули под замком, как Сомдет Чаопрайя – Дитя-королеву.

Андерсон раздражен, но защищать свой товар сейчас не хочет.

– Баньят рассказал вам о питательных резервуарах? Тех, где выращивают водоросли?

– Нет, только о ржавчине. А в чем дело?

– Обнаружили загрязнение: часть из них не дает... – Хок Сен колеблется. – Поверхностная пленка – она не нарастает.

– Даже не упомянул.

Снова неуверенная пауза.

– Уверен, он пытался сказать.

– И что говорит? Насколько все плохо?

– Не знаю. Просто пленка не отвечает требованиям.

Андерсон хмурит лоб.

– Я его уволю. Зачем мне начальник отдела качества, который боится рассказать о проблемах?

– Вероятно, вы не очень внимательно слушали.

Андерсон уже готов выдать тираду по поводу людей, которые заводят разговор, а к сути не переходят, но его прерывает рев мегадонта, да такой, что дрожат стекла. Он закрывает рот и прислушивается к крикам погонщиков.

– Четвертый вал. Махут никуда не годен.

– Тайцы все никуда не годны, – комментирует Хок Сен, не отрываясь от компьютера.

Андерсона веселит, что такое сказал желтобилетник, но он сдерживает смешок и говорит, возвращаясь к бумагам:

– Значит, он хуже остальных. Его надо заменить. Запомни – вал номер четыре.

Ритм ножного динамо сбивается.

– Непростая задача, разрешите заметить. Даже Навозный Царь идет на уступки профсоюзу погонщиков. Без мегадонтов джоули пришлось бы вырабатывать с помощью человеческой силы, а такая позиция невыгодна при переговорах.

– Мне все равно. Этого – уволить. Придумай какой-нибудь мягкий способ, чтобы без ажиотажа. – Андерсон берет на подпись очередную кипу чеков.

Хок Сен не отступает.

– Кун, с профсоюзом очень трудно торговаться.

– Поэтому у меня есть ты, а у тебя – такая вещь, как полномочия. – Андерсон продолжает перелистывать бумаги.

– Да, разумеется, – холодно отвечает Хок Сен. – Благодарю за ценные указания.

– Ты постоянно говоришь мне, что я не разбираюсь в местных обычаях. Вот ты и займись – уволь махута. Мне все равно: мягко это будет или все потеряют лицо, но придумай, как его выгнать. Держать таких на силовой установке опасно.